

жить классификации, построенные: а) на интерпретации формулы «православие-самодержавие-народность» (какой элемент в данной формуле ставится на первый план); б) характере антизападничества; в) степени универсальности, то есть приемлемости для других стран и регионов. Нынешний возрождающийся российский консерватизм дифференцируется: а) по приоритетности возрождения и укрепления российской государственности внутри РФ или восстановления единого государства в рамках СССР; б) подходу к России как к отдельной геополитической единице или как к центру евразийского блока; в) отношению к социалистическому периоду как к провалу или же как к одному из исторических этапов, отвечающих русскому менталитету. Понимание специфики бытования консервативной мысли в России чрезвычайно актуально сегодня, когда в связи с неудачами либерально-реформаторского курса, трагическим размежеванием демократической и государственнической идей в 1990-е гг., тоской населения по стабильному обществу, консервативные идеи становятся все более востребованными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева Т. А. Современные политические теории. М., 2000.
2. Блур Д. Витгенштейн как консервативный мыслитель // Логос. 2002. № 5-6.
3. Гусев В. А. Русский консерватизм // http://conservatism.samara.ru/articles/artic/Gusev_ru.html.
4. Новейший философский словарь. Минск, 1998.
5. Осипов И. Д. Философия русского либерализма (XIX – начало XX века). СПб., 1996.
6. Политология. Краткий словарь. Ростов н/Д, 2001.
7. Политология. Курс лекций под ред. проф. М.Н. Марченко. М., 2000.
8. Постмодернизм. Энциклопедия. Минск, 2001.
9. Ремизов М. Опыты типологии консерватизма // Логос. 2002. № 5-6.
10. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2002.
11. Цымбаев Н. И. Славянофильство: Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986.

Галина Михайловна ЗАБОЛОТНАЯ —
профессор кафедры политологии
факультета истории и политических наук,
доктор социологических наук

УДК 32.01

ПРОБЛЕМА ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются основные подходы к определению содержания публичной сферы, представленные в современной политической теории, показывается значение публичной сферы для развития гражданского общества.

The author observers the main approaches to the definition of the public sphere content, represented in contemporary political science, as well as the importance of public sphere for the development of civil society.

Проблема публичной сферы является сравнительно новой в научном дискурсе. Интерес к ней со стороны западных обществоведов был стимулирован английс-

ким переводом докторской диссертации Ю. Хабермаса «Структурная трансформация публичной сферы». До Ю. Хабермаса вопрос о публичной сфере был затронут такими авторитетными теоретиками политики, как Х. Арендт и К. Шмидт. В отечественном обществознании проблема публичной сферы¹ и публичной политики обозначилась только в последние годы и, как отметил Ю. А. Красин, остается своеобразной *terra incognita* для российских ученых [7, с. 5]. Вместе с тем потребность в концептуализации проблематики публичной сферы не просто дань моде на категории, которые широко используются в западной науке. Эта тема непосредственно возникает при обсуждении таких фундаментальных проблем политической теории, как соотношение частного и общественного в политике, взаимосвязь общества и государства, демократия, общественное благо.

Представление о публичной сфере возникло как признание двух сторон жизнедеятельности человека — публичной и частной. Вопрос о публичной жизни ставился в либеральных политических идеях XVIII в. в связи с обсуждением проблемы общественного блага, разделения общественных и частных интересов, идей гражданских свобод и границ власти государства. Уже в этот период, как показал Р. Сеннет в книге «Падение публичного человека», термин «публичное» приобретает несколько своих современных значений. Под публичным начинает подразумеваться сфера социальной жизни, расположенная вне пространства семьи и близких людей, а также особая функция общения, коммуникаций разных индивидов и групп [11, с. 24–25].

В самом общем понимании публичная сфера охватывает различные проявления общественной жизнедеятельности индивидов. Эта зона расположена между государственной властью и частной жизнью индивидов. Обобщая подходы к разделению публичного и частного, существующие в литературе [2; 6; 7; 10], выделим наиболее существенные отличия публичной и частной сфер.

1. В частной сфере человек выступает как индивидуальный актер, руководствующийся личным интересом. В публичном пространстве действуют актеры, представляющие групповые и общественные интересы в целом. Цель, с которой они «выходят» в публичную сферу, — согласование интересов, поиск общих ценностей.

2. В частной сфере сосредоточено то, что принято называть приватным, интимным, но сюда могут включаться частные деловые отношения. Приватное, как писала Х. Арендт, — это «потопленное пространство» [2, с. 83], оно скрывает в себе то, что не подлежит обнародованию. Публичное пространство предполагает «прозрачность» всех взаимодействий. В нем не может быть теневых зон, скрытых от общественности практик.

3. В частной сфере находит подтверждение автономность личности, ее право на выбор индивидуального образа жизни. Частное — это источник индивидуальной свободы. Именно поэтому, например, тоталитарная власть пытается распространить свой контроль не только на публичное, но и на частное (как отмечала Х. Арендт, описывая немецкий тоталитаризм, в фашистской Германии частным лицом оставался только спящий [1, с. 247]). В публичной сфере находит проявление широкий спектр гражданских, политических и социальных прав.

4. Если в приватной сфере находят проявление интересы граждан как частных лиц, то в публичном пространстве проявляется способность граждан подняться

¹ Как синонимы ученые также используют понятия «публичное пространство» и «публичное поле». Подобную множественность терминологического употребления, например, продемонстрировали участники дискуссии по этой проблеме, проведенной Фондом развития политического централизма в 2002 г. [9]. Использование термина «пространство» не лишено смысла, т.к. публичную сферу можно представить как символическое «место» непосредственной «встречи» агентов политики друг с другом.

над индивидуальными и корпоративными интересами и артикулировать общие интересы. Как заметил французский ученый Ж. Френд, публичное объединяет, в то время как приватное (частное) способно не только объединять (любовь, согласие), но и разъединять (конфликты, раздоры) [5, с. 45–46].

5. Частная сфера — это пространство частных отношений, корпоративных деловых сделок, личной собственности. Публичная сфера — это «место» производства «общественного блага» и того, что западные политологи называют «общественные дела» (public affairs).

Грань, разделяющая частное и публичное пространство, подвижна. Разводы, рождаемость относятся к частным проблемам, но они могут непосредственно затрагивать общественные интересы и стать предметом дискуссий в публичном пространстве (в США, например, проблема абортов относится к числу самых обсуждаемых). В публичных дискуссиях могут подниматься и другие вопросы, традиционно относящиеся к частным проблемам: сексуальная свобода, отношение к смерти (в контексте проблемы эвтаназии), религиозный выбор. Практика современных избирательных кампаний и используемые в политической борьбе технологии остро поставили ряд проблем этического характера, непосредственно связанных с вопросом о том, какие стороны частной жизни политиков могут быть «прозрачными» для общественности.

В современных дискуссиях о публичной сфере присутствует проблема непосредственных действующих агентов публичной политики. Присутствует ли государство в публичном пространстве, реализуя «общественные дела», или же в публичной сфере действуют только граждане, которые, обмениваясь аргументами и личностными ресурсами, производят коллективные «эффекты», способные воздействовать на административно-государственную власть? В зависимости от ответов на данные вопросы в литературе представлены узкие и расширительные трактовки публичной сферы.

Согласно первому подходу, в публичной сфере действуют самостоятельные граждане, которые производят общественное благо, совместно находят пути решения проблем, вторгающихся в их жизнь, и пытаются их реализовать. В этой сфере рождается публичная политика, осуществляемая самостоятельными гражданами, которая отличается от политики, которой занимаются правительство или официальные политические лидеры. Перспективы развития демократии непосредственно связаны с расширением сферы такого рода публичной политики.

Представление о публичной сфере как пространстве, созданном коммуникациями граждан, имеет своим источником концепции Х. Арендт и Ю. Хабермаса. В их работах публичная сфера противопоставлена не только частной сфере, но и административно-государственной. Публичная сфера выступает местом дебатов граждан по морально-практическим и политическим вопросам.

В понимании Х. Арендт, публичная сфера есть «политически открытое пространство», в котором проявляется способность людей услышать других и увидеть множественность перспектив [2, с. 74]. Примеры подобных дискурсивных практик она увидела в античном полисе. В то же время концепция публичного пространства Х. Арендт отличается от трактовок Ю. Хабермаса и многих современных авторов. Исследовательница противопоставила публичное пространство не только частному, государственному, но и социальному в целом. Дихотомичность политического и социального вытекает из ее интерпретации политики как деятельности при помощи слов. Публичное пространство, будучи политическим, представляет собой «пространство свободы», где равные друг другу граждане, не отягощенные частными интересами, ведут диалоги и связаны осмысленными и неэгоистическими взаимоотношениями. Социальная жизнь, напротив, есть сфера конкуренции частных интересов и представляет собой отрицание политического. Начиная с

Нового времени, по мнению Х. Арндт, идет процесс исчезновения публичного пространства. Сначала деньги, превратившиеся в капиталы, вырвались из частной сферы и подчинили «публичность» интересам имущих классов. Столь же опасным для публичного оказался социалистический опыт внедрения «социума» в частную и публичную сферу [2, с. 89–95]. Другая угроза публичному пространству, считает Х. Арндт, исходит из возросшей зависимости индивидов от перераспределительной политики государства. Полагаясь на помощь государства, граждане становятся зависимыми от его действий. Соответственно, и политика как непосредственная деятельность общественности отодвигается на второй план. Кроме того, настороженное отношение исследовательницы к социальным движениям проявилось в ее непринятии идеи гражданского общества.

В интерпретации Ю. Хабермаса, публичная сфера образуется спонтанными потоками коммуникаций и рациональными дискурсами (аргументированными дискуссиями) просвещенной общественности. Общественность есть наиболее активная часть граждан, критически оценивающая административную власть и противостоящая ее экспансии. Наиболее ценными в публичной сфере являются: практический дискурс, позволяющий людям достичь компромисса; этический дискурс, в процессе которого человек отождествляет себя с определенным коллективом; морально-практический дискурс, который позволяет проверить уместность и правильность норм действий [13, с. 23, 28]. Если у Х. Арндт агенты публичного пространства, ведущие дискуссии, замкнуты на себе, то Ю. Хабермас видит в публичной сфере «место», где формируются новые требования для государственной власти. Здесь же формируется коммуникативная власть как альтернатива административной власти. Подобные коммуникации, по мнению немецкого ученого, представляют собой процедуры демократического формирования воли народа [13, с. 74].

Идея критической и просвещенной общественности, умеющей сдерживать и контролировать административную власть и чьи коммуникационные практики образуют публичную сферу, была поставлена Ю. Хабермасом в центр своего социально-политического проекта «делиберативной демократии». Данный проект — один из примеров поиска западными обществоведами идей, воплощение которых способствовало бы обновлению либеральной демократии. Падение интереса к общественной жизни со стороны рядовых граждан, превращение их в пассивных наблюдателей, кризис традиционной системы политического представительства, в том числе и партийных систем, актуализировали проблему публичной сферы как способа повышения активности населения «снизу». Кроме того, публичная сфера принципиально важна не только для демократии, но и для социальной интеграции граждан. Кризис современного общества, как отмечал Ю. Хабермас, проявляется именно в сфере интеграции. Она не может быть обеспечена только рыночными связями или административно-властными ресурсами. Институциональные структуры государства позволяют достичь лишь системной интеграции, которая основана на возможности применения скрытого принуждения. Системная интеграция должна быть дополнена социальной интеграцией, которая рождается из взаимного согласия, достигнутого в публичной сфере [8, с. 14–15; 13, с. 193]. Подобная интеграция становится возможной тогда, когда граждане, выступающие частными лицами и имеющие собственные интересы, берут общественные обязательства друг перед другом, поднимаясь до понимания общих интересов.

Идея Ю. Хабермаса о связи публичного пространства и гражданского общества получила признание у западных и отечественных ученых. Так, по мнению Ж. Т. Тощенко, публичная сфера есть выражение ассоциативности гражданского общества [12, с. 86–87]. Имеют место и подходы, отождествляющие гражданское общество с публичной сферой. Известный западный обществовед Дж. Алексан-

дер, рассуждая о гражданском обществе, фактически говорит о публичном пространстве, понимая под ним сферу универсализации гражданской солидарности [14]. Другие авторы рассматривают гражданское общество как комбинацию разнообразных общественных ассоциаций и публичной сферы [4; 15]. В последнем контексте публичную сферу можно представить как пространство саморефлексии гражданского общества, пространство тематизации новых социальных потребностей, как сферу, где формируется ответственная общественная власть, способная воздействовать на государственно-административные институты.

Другую позицию занимают авторы, рассматривающие публичное пространство как публично-государственную сферу, а государственные институты как главный инструмент реализации публичной политики (С. Брукс, Т. Дай и др.). В этом случае публичная политика интерпретируется как деятельность правительства. Ряд авторов указывают на то, что далеко не всякая государственная политика может быть определена как публичная. Критерием ее публичности является, считает Ю. А. Красин, выражение интересов общества в целом [7, с. 6]. Представляется, что мера публичности политики государства определяется характером его взаимоотношений с обществом, а также его двойственной сущностью. С одной стороны, предоставляя «услуги» обществу, т.е. осуществляя функции управления, поддерживая социальный порядок, ограничивая проявления экстремизма, регулируя те сферы жизнедеятельности, где возможности саморегулирования со стороны общества ограничены, государство, тем самым, в публичной политике реализует свою общесоциальную сущность. С другой стороны, государство выступает инструментом власти наиболее организованных и экономически сильных групп. В сочетании двух аспектов – общесоциального и группового/классового — проявляется противоречивая сущность государства. Как проявления публичного не могут быть признаны политические практики, через которые реализуются частные интересы отдельных групп или корпоративные интересы чиновничества.

В политической теории представление о публично-государственной сфере имеет свою историю и встречается в работах известного немецкого политолога К. Шмитта и его последователя Ж. Френда. Ж. Френд распространил понятие «публичное» на виды деятельности, в которых реализуются охранительные функции по отношению к единой общности, и на безличностные институты, представляющие общественное. К последним французский политолог отнес парламенты и государство в целом [5, с. 45]. К. Шмитт связал публичность с развитием демократических институтов и процедур в рамках самого государства. В частности, он увидел воплощение либеральной публичности в парламентских дискуссиях. В то же время немецкий политолог указывал, что основой существования подобной сферы является свободная общественная жизнь вне парламента. В концепции парламентской публичной сферы К. Шмитт попытался «снять» дихотомичность общества и государства. Как указывают исследователи творческого наследия немецкого политолога Дж. Л. Козн и Э. Арато [4, с. 289], представление о парламенте как средстве проникновения общества в государство интерпретируется К. Шмиттом как факт появления в самой государственной сфере дуалистического общества-государства. Именно публичная парламентская сфера «опосредует» раскол между полюсами этой двойственности.

Согласно широким трактовкам, публичная сфера представляет многогранное и многофакторное явление. В частности, Ю. А. Красин рассматривает публичную сферу как зону непосредственного соприкосновения и взаимодействия общественных интересов граждан и публичной политики государства. Утверждая, что государство представляет публичную сферу в политике, он в то же время рассматривает гражданское общество как социальную базу развития публичной сферы [7, с. 6-7]. Гражданская активность и инициативы рассматриваются в качестве важнейшего

условия существования публичной сферы. Обращаясь к содержанию публичной сферы, Ю. А. Красин не ограничивает ее коммуникационными практиками, а включает сюда практические действия и разветвленную материальную инфраструктуру.

Близкую позицию занимает А. А. Галкин. Он понимает публичную сферу как «общественное пространство», в рамках которого реализуются отношения между гражданским обществом и политической властью, ее юридическими, силовыми и административными институтами. Публичное пространство образуется в местах пересечения импульсов, идущих как от структур гражданского общества, так и от институтов государственной власти. Результатом определенных компромиссов является достижение в большей или меньшей степени необходимого соответствия государственной политики и гражданских ожиданий. Если эти импульсы не пересекаются, то и публичная сфера не образуется [3, с. 22–23]. В подобной интерпретации публичное пространство выступает определенной «стыковочной» зоной, опосредующей отношения между органами власти и ассоциациями гражданского общества. Исходя из подобного подхода публичную сферу можно определить как пространство осуществления непосредственных обменов мнениями по общезначимым проблемам, социально-политическими практиками и ресурсами представителей гражданского общества друг с другом и с властью. Подобные публичные взаимодействия могут осуществляться через СМИ, публичные лекции, форумы общественности, консультативные советы представителей власти и общественности. Таким образом, сфера «публичности» определяется как существованием государства, так и ассоциаций гражданского общества.

Формирование публичного пространства имеет важное значение для гражданского общества:

— гражданское общество представлено разнообразными группами с конкурирующими интересами, с собственными представлениями об общественном благе. Любое гражданское общество включает в себя проявления разных по своему характеру отношений: объединения и разъединения, конфликта и согласия. Самоограничение в преследовании корпоративных интересов, солидарность и способность генерировать общие интересы проявляют себя как тенденции, противостоящие конкуренции и соперничеству групповых интересов. В публичном же пространстве подтверждаются гражданские качества людей, их способность подняться над частными интересами, найти компромисс, дебатировав разные версии общественного блага. Тем самым, в публичном пространстве формируются горизонтальные связи между социальными группами и институтами гражданского общества на основе отношений солидарности и доверия;

— публичное пространство выступает одним из каналов реального включения граждан в социально-политический процесс, формирования политических предпочтений и оказания влияния на принятие решений органами власти;

— в публичном пространстве формируется общественное мнение, здесь рождаются новые ценности и смыслы, обесцениваются старые. В этом плане публичное пространство, даже если оно и ограничено, способно стимулировать развитие гражданского общества, влиять на общественные настроения и культуру граждан. Пример тому — деятельность демократически настроенной общественности 80-х гг. в европейских социалистических странах и СССР, повлиявшая на политические ориентации граждан.

Публичное пространство важно также для демократизации самой государственной власти, т.к. предполагает утверждение демократических норм взаимоотношений представителей власти и граждан, в частности, «приучает» к ответственности «держателей» власти, учит их прислушиваться к мнению граждан.

Публичная сфера не «даруется» обществу, ее формирование представляет длительный и противоречивый процесс. Частные группы интересов могут непосред-

ственно устанавливать «особые контакты» с государственной властью, минуя посреднические институты гражданского общества и публичную сферу. Кроме того, критически настроенная, просвещенная общественность, на которую обратил свой взор Ю. Хабермас, представляет собой хотя и наиболее активную, но все же не всю часть граждан. Не все население вовлечено в деятельность разных ассоциаций гражданского общества. Можно сказать, что публичная сфера относится к явлениям с «изменяющейся географией». Она максимально сжимается при тоталитаризме и расширяется в условиях демократии. Но и здесь подвижность ее границ определяется многими условиями, в том числе качественными параметрами государства, отношением власти к гражданским инициативам, степенью открытости информационного пространства для общественных дискуссий, институционально-правовыми возможностями для артикуляции интересов различных групп гражданского общества. Потребность в развитии публичной сферы актуализирует и проблему гражданской культуры населения, в частности ставит вопрос о способности индивидов поступать как ответственные граждане, которые руководствуются не только личными, но и общественными интересами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арндт Х. Временный союз черни и элиты // Иностранная литература. 1990. № 4.
2. Арндт Х. *Vita activa* или о деятельной жизни / Пер. с немец. СПб.: Але Тейя, 2000.
3. Галкин А. А. О модели публичной сферы // Россия в условиях трансформаций. М.: ФРПЦ, 2002. Вып. 25.
4. Коэн Дж. Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория / Пер. с англ. М.: Весь мир, 2003.
5. Кравченко И. И. Власть и общество // Власть: очерки современной политической философии / Под ред. В. В. Мшвениерадзе, И. И. Кравченко. М.: Наука, 1989.
6. Красин Ю. А. Публичная сфера и государственная публичная политика в современной России (круглый стол) // Социс. 2000. №10.
7. Красин Ю. А. Публичная сфера и публичная политика // Россия в условиях трансформаций. М.: ФРПЦ, 2002. Вып. 25.
8. Моузелис Н. Социальная и системная интеграция: взгляд Хабермаса // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология: Реф. журн. М.: РАН ИНИОН, 1994. № 4.
9. Россия в условиях трансформаций. М.: ФРПЦ, 2002. Вып. 25.
10. Селигмен А. Проблема доверия / Пер. с англ. М.: Идея-Пресс, 2002.
11. Сенет Р. Падение публичного человека / Пер. с англ. М.: Логос, 2002.
12. Тощенко Ж. Т. Метаморфозы современного общественного сознания: методологические основы социологического исследования // Социс. 2001. № 6.
13. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М.: Academia, 1995.
14. Alexander J. C. *Democracy and Civil Society*. Mimeo, Los Angeles: UCLA, 1992.
15. Pйrez-Dnaz V. *The Public Sphere and a European Civil Society // Real Civil Society. Dilemmas of Institutionalization / Ed. by J. C. Alexander. Guildford, Surrey: Biddles Ltd., 1998.*